

Н. С. Зелезинская

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь
e-mail: zelennew@tut.by*

СМЕНА КУЛЬТУР – СМЕНА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ? (ОБ ОДНОМ ШЕКСПИРОВСКОМ ЗАИМСТВОВАНИИ ИЗ ЕВРИПИДА)

Статья посвящена проблеме источников Шекспира с точки зрения заимствования мотива самоубийства античных героев и шекспировской рецепции античной идеи правильной смерти. В статье рассматриваются некоторые прямые и культурные античные источники образов мифологических самоубийц, анализируются три античные источника мифа о Геракле с точки зрения семантики и аксиологии мотива самоубийства.

Ключевые слова: Уильям Шекспир; Геракл; мифологические аллюзии; культурные источники; мотив самоубийства.

N. S. Zelezinskaya

*Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: zelennew@tut.by*

CHANGING CULTURES – CHANGING VALUES? (ON A SHAKESPEAREAN BORROWING FROM EURIPIDES)

The article is devoted to the problem of Shakespeare's sources from the point of view of borrowing the ancient motif of suicide and Shakespearean reception of the ancient idea of death. The article discusses some direct and cultural ancient sources of images of mythological suicides, analyzes three ancient sources of the myth of Hercules from the point of view of the semantics and axiology of the suicide motive.

Key words: William Shakespeare; Hercules; mythological allusions; cultural sources; the motif of suicide.

Как известно, Шекспир многие сюжеты, аллюзии, реминисценции брал из античных источников. Им же он обязан образами героев-самоубийц: Геракла, Деяниры, Дидоны, Нарцисса, Лавинии, Аякса, Пирама и Фисбы, Геро, Гекубы. Истории Нарцисса, Аякса, Пирама и Фисбы, скорее всего, были прочитаны им в «Метаморфозах», Овидия, Лавинии – в «Энеиде» Вергилия, Дидоны – в «Энеиде» Вергилия и «Героидах» Овидия. Важным источником является также античная драматургия.

Тема самоубийства получила огромную популярность у драматургов. От отчаяния, страданий, горя и мук совести добровольно обращаются к смерти многие персонажи Софокла (около 496–406 до н. э.): вешается Иокаста, призывает смерть и уходит в изгнание Эдип, вешается Антигона,

над трупом невесты пронзает себя мечом Гемон, а позже и его мать, узнав о смерти сына [1]. В трагедии «Трахинянки» показано самосожжение героя Геракла и самоубийство его жены. В трагедии «Аякс-биченосец» («Эант») автор тоже обращается к мифу о самоубийстве Аякса. В трагедии «Эдип в Колоне» хор наиболее отчетливо выражает призыв покинуть полный несчастий мир: *«Высший дар – нерожденным быть; // Если ж свет ты увидел дня – // О, обратной стезей скорей // В лоно вернись небытья родное!»* [1, строки 1225–1228]. В «Елене» Еврипида героиня пытается найти в себе мужество убить себя; попутно упоминаются самоубийства Леды: *«В петле вкусила Леда // Смерть за мое бесчестье»* [2, с. 75] и Тиндарида *«из-за сестры как будто закололась»* [там же, с. 73]. Обе смерти вызваны тем, что молва треплет имя семьи [там же, с. 79]. Обращает на себя внимание указание на причину и способ самоубийства в процитированных отрывках, а также эстетическая оценка акта самоубийства, что сохранит свою значимость в творчестве Шекспира.

Параллелизм античных и шекспировских представлений о самоубийстве очевиднее при сопоставлении отдельных сцен драматургических текстов. В данной статье мы хотим обратиться к интерпретации легенды о Геракле, представленной и у Софокла, и у Еврипида. Stuart Gillespie замечает, что немногие исследователи допускают, что знакомство Шекспира с древнегреческой трагедией распространялось дальше Еврипида [3, р. 7], но сравнение нам необходимо для понимания идейного влияния.

Более ранняя из них трагедия Софокла «Трахинянки» представляет этот мифологический сюжет следующим образом. Одним из значимых его мотивов является самосожжение Геракла, описанное с героическим пафосом. Мотив самоубийства наделен аксиологической ценностью, явно отображая право героя на свободный выбор.

Еврипид же отказывает герою в добровольной смерти, хотя причин для нее в трагедии «Геракл» у протагониста больше: в безумии он убивает детей. Придя в себя и узнав о содеянном, он решает покончить с собой и приводит свои причины Тесею. Как мы помним, «в Древней Греции и в Древнем Риме государственная власть пыталась установить, в каких случаях правомерно и допустимо человеку лишать себя жизни. Для этих целей во многих городах хранился запас сильнодействующего яда – цикуты, заготовленного за государственный счет и доступного всем, кто захотел бы укоротить свой век, но при условии, что причины самоубийства должны быть одобрены верховной государственной властью – сенатом, советом старейшин или другой соответствующей инстанцией» [4, с. 19]. Но Тесей не соглашается с доводами Геракла: *«Так как же смеешь ты, ничтожный смертный, / Невыносимой называть судьбу, / Которой боги подчиняются?»* [2, «Геракл», строки 1320–1322]. Геракл прислушивается

к доводам героя и размышляет: «<...>Я не скрою, что сомнением // Теперь охвачен я, не точно ль трус // Самоубийца... (В раздумье.) Да, кто не умеет // Противостать несчастью, тот и стрел // Врага, пожалуй, испугается... Я должен // И буду жить... С тобой, Тесей, пойду // В Афины» [там же, строки 1346–1352]. Еврипид показывает, как героя страшит, с одной стороны, гнев богов, с другой – боязнь потерять лицо, муки совести, стыд.

Итог рассуждений Тесей и Геракла прекрасно иллюстрирует суждение о том, что человек принадлежит богам и что необходимо терпеть невзгоды, мучения и тяготы жизни, не приближать смерть самостоятельно, а ждать, когда богам будет угодно прислать ее, высказанное Платоном в «Законах», а позже поддержанное Аристотелем и Платином. Сравнение двух аналогичных сюжетов Софокла и Еврипида указывает и на поддержание старой традиции, и на усвоение Афинами новых ценностей к концу V в. до н. э. Драматург ожидает от своих зрителей внимания к этой смене ценностных ориентиров, пьеса уже отображает не героические идеалы, а новое мышление граждан полиса. То, что трансформации подвергся именно мотив самоубийства героя чрезвычайно значимо: *virtus* отдельного человека не считалось чем-то определенным и состоявшимся до момента смерти. Об этом говорит сам Софокл: «Напрасно молвят издавна, что рано // Судить о жизни смертного – несчастна ль // Иль счастлива она – пока он жив» [1, «Трахинянки», Пролог, с. 37]. Момент смерти формировал *virtus* и оставлял добрую славу или дурную.

Но и идея свободы воли в выборе смерти была так же близка античности. Когда уже Овидий, спустя 4 века обратился к сюжету о Геракле, он предпочел версию Софокла:

*Ты же, сын Юпитера славный,
Древ наломав, что на Эте крутой взрасли, воздвигаешь
Сам погребальный костер, а лук и в уемистом туле
Стрелы, которым опять увидеть Илион предстояло,
Сыну Пеанта даешь. Как только подбросил помощник
Пищи огню и костер уже весь запылал, на вершину
Груды древесной ты сам немедля немейскую шкуру
Стелешь; на палицу лег головой и на шкуре простерся.
Был же ты ликом таков, как будто возлег и пируешь
Между наполненных чаш, венками цветов разукрашен!* [5, строки 230–238].

У Шекспира имя Геракла (Геркулеса) упоминается 48 раз и много отсылок косвенного характера, хотя отдельного сюжета, посвященного ему нет. Самая известная фраза принадлежит Гамлету: «*My father's brother – but no more like my father/ Than I to Hercules*» [6, 1.2.152–153]. Здесь из

всего дискурса Геракла задействован его внешний вид (сила, красота, представительность). В Гамлете есть отсылка к подвигам Геракла «*My fate cries out/ And makes each petty atire in this body/ As hardy as the Nemean lion's nerve*» [там же, 1.4.83–85] намекает, что Гамлету понадобятся все силы, чтобы встретиться с призраком. «*Ay, that they do, my lord, Hercules and his load too*» [там же, 2.2.384] – смысл, в общем, тот же, под ношей Геракла подразумевается вся тяжесть земли. Собственно, в большинстве случаев Геракл нужен Шекспиру как образец героя, даже «супергероя». Заметив достаточно узкое применение аллюзии, еще в 1903 г. Р. К. Рут (Robert Kilburn Root) по поводу Геракла написал: «Хоть отсылок и много, реальные познания Шекспира очень скудные. Они состоят из, во-первых, общего впечатления от случайно прочитанных текстов или услышанных разговоров, во-вторых, из изложенного Овидием мифа и, может быть, из английского перевода Сенеки. Он указывает только на мужество и силу Геркулеса и всего четыре его подвига» [7, с. 71]. Шарлотта Коффин немного расширяет эту оценку [8]. Она обращает внимание на аллюзию на посмертную славу героя (из источников в наибольшей степени выраженную у Овидия) в 3 части Генриха VI и еще на ряд смысловых оттенков отсылки к Гераклу. Кроме того, Ш. Коффин обращает наше внимание на общие места с мифом о Геракле, на идеи, которые могли быть восприняты Шекспиром непосредственно из этого мифа, в частности, на идею достоинства как воинской доблести (наиболее четко выраженную в «Кориолане» и «Антонии и Клеопатре»).

Мы предлагаем увидеть общность двух сцен: уже приведенного нами разговора Геракла и Тесея и разговора графа Глостера и его сына Эдгара в шестой сцене четвертого акта «Короля Лира». Тема обоих диалогов одинакова: самоубийство. Один из героев желает смерти и готов шагнуть ей навстречу, другой отговаривает его. Мотив самоубийства очень популярен в литературе, ренессансной в частности, у Шекспира особенно, но основой сравнения стали доводы, которые приводит Эдгар и реакция Глостера: они почти дословно повторяют слова Тесея и Геракла, процитированные выше. Причиной желанного самоубийства называется отчаяние, как у Геракла. На коленях Глостер отрекается от мира, слагает тяжести страданий и бремя терпения. Тут же он упоминает, что идет против воли богов в своем желании досрочной смерти. Слепой, он прыгает, воображая, что стоит на обрыве, на деле просто падает вперед. Эдгар разыгрывает сцену бесовского соблазна, божественного вмешательства и спасения: «*therefore, thou happy father, // Think that the clearest gods, who make them honours // Of men's impossibilities, have preserved thee*» («Тебя, родимый, // Поздравить можно: небеса спасли // От гибели тебя. Они все могут») [9, 4.6.72–74]. Глостер отвечает словами Геракла: «*I do remember now:*

henceforth I'll bear // Affliction till it do cry out itself // 'Enough, enough', and die» («Я понял все. Отныне покорюсь // Своей судьбе безропотно, покамест // Она сама не скажет: «Уходи») [ibid., 4.6.75–77].

Несмотря на то, что структура шестой сцены отсылает нас к средневековым моралите и наполнена библейской лексикой, семантика мотива самоубийства повторяет античную трагедию и шире, античную философию.

Из компаративного анализа мы делаем следующие выводы:

1) Шекспир использует миф о Геракле не только как аллюзию, но и как источник идеи. В частности, воспроизводит мотив самоубийства из трагедии Еврипида в «Короле Лире».

2) Мы смогли проследить языковые параллели с трагедией Еврипида, но нашли идейное соответствие и овидиевской версии мифа о Геракле.

3) Большое значение для понимания Шекспира играют культурные источники, прочитанные самостоятельно или воспринятые опосредованно.

4) Внимание надо уделять именно тому источнику, которым пользовался Шекспир, а не любому произведению, содержащему миф или легенду, пусть даже они были более ранними или полными. Для понимания эволюции семантических смыслов бывает недостаточно сравнить два источника, изменения видны отчетливее, если проследить всю литературную традицию, задействующую данный сюжет.

5) Семантика мотива самоубийства в произведениях Шекспира неоднозначна и зависима как от античных заимствований, так и от культурных установок, унаследованных от Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Софокл. Трагедии / Софокл – Калининград : Янтарный сказ, 2002. – 381 с.
2. Еврипид. Трагедии : в 2 т. / Еврипид ; пер. И. Анненского. – М. : Ладомир, 1999. – 2 т.
3. Gillespie, S. Shakespeare's books: A Dictionary of Shakespeare's sources / S. Gillespie. – L. : Continuum, 2004. – 528 p.
4. Трегубов, Л. Эстетика самоубийства / Л. Трегубов, Ю. Вагин. – Пермь : Капик, 1993. – 268 с.
5. Овидий, П. Н. Метаморфозы / Овидий ; пер. с лат. С. В. Шервинского ; прим. Ф. А. Петровского. – М. : Художественная литература, 1977. – 430 с.
6. Shakespeare, W. Hamlet / W. Shakespeare ; ed.: A. Thomson, N. Taylor. – 3rd ed. – The Arden Shakespeare, 2018. – 660 p. Перевод М. Лозинского приводится по: Шекспир, У. Гамлет / У. Шекспир. – Полное собр. соч. : 8 т. ; пер. с англ. М. Лозинский. – М. : Искусство, 1960. – Т. 6. – С. 5–159
7. Root, R. K. Classical Mythology in Shakespeare / R. K. Root – NY : Henry Holt and Company, 1903. – 159 p.

8. Coffin, Ch. Hercules [Electronic resource] / Ch. Coffin // A Dictionary of Shakespeare's Classical Mythology. – ed. : Yves Peyré, 2009. – Mode of access: <http://www.shakmyth.org/myth/111/hercules>. – Date of access: 01.02.2020.
9. Shakespeare, W. King Lear / W. Shakespeare ; ed. by R. A. Foakes // The Arden Shakespeare Complete Works ; ed. by R. Proudfoot, A. Thomson and D. S. Castan (2011). – The Arden Shakespeare. – Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. – P. 633–670. Пер. Б. Пастернака приводится по: Шекспир У. Король Лир / У. Шекспир // Полное собр. соч. : в 8 т. – М. : Искусство, 1960. – Т. 7. – С. 427–571.